Комсомолец
г. Ростов н/Дону
4 ФЕВ 1969

М. КОСТОГЛОДОВА

К СЕРДЦАМ ЮНЫХ

Раздумья о Ростовском ТЮЗе имени Ленинского комсомола

ПЕРВЫЙ СПЕКТАКЛЬ

Это было [illegible] между сегодняшним и тем днем из легко расстояния в несколько десятков лет.

Наш класс — 4 «А» — готовился в походу в ТЮЗ. Выстроившись по шесть по двое (сразу после колонны десятиклассников), мы с метеорологом Ольдой, по кличке «Шлагбаум», [illegible] крупный снег, такой крупный, что походил на большие ватные хлопья. Кедрик повязал на резинках, на мы бинтовался из-под платка варежки и не спешили таять.

В детстве ожидания — самая тягучая пытка. Учителя долго с чем-то совещались, до нас долетали обрывки фраз: «Что же мы точно не узнали, где они сегодня? Я машинистрегельном или в клубе медиков?», мы напрягали слух, чтобы понять, о чем речь и отчаянно боялись, как бы поход в театр не отменили.

О том, что мы будем смотреть пьесу «Джордано Бруно», нам сказали еще в школе. Но о том, что с нами сделает эта пьеса, какую родит любовь и ненависть, мы узнали, дишь достигнули третий акт.

Его сыграли на костре, нашего Джордано. Нам казалось, [illegible] мы, он — когда-то утерянный и найденный друг. И в то же время он был нашим открытием. Мы не могли насмотреться, чтобы его так просто — взяли да и сожгли.

Зал взорвался. Я вместе с другими кричала: «Убегай, Джордано!», топала ногами, нестойко била в ладоши.

Успокоилась я, лишь когда Джордано — живой и теплый, спустился в зал и сел в одном из первых рядов, обняв за плечи какого-то счастливчика. Сту[illegible] Джордановым мучителям, и [illegible] же усмехнулся среди нас.

На сцену вынесли столы. Высокий человек, вовсе на сли[illegible]

[illegible] знаю, готовили [illegible] диспут заранее или он всплыл стихийно. Я не помню точно, кто и о чем говорил. Лишь запомнились ощущение продолженного праздника и свой срывающийся голос, в которому прислушивались не только товарищи по школе, но и взрослые — на сцене и в зале.

МЫ — АКТИВ

А ЧЕРЕЗ несколько дней и нам в школу пришла знаменщица Маленькая, с гладкими, зачесанными назад волосами. Радной утиной походкой она прошлась из класса в класс, всем протянула руку и представилась: «Надежда Ивановна Скорова. Я из, видчасти ТЮЗа. Мы подбираем репертуар. Приходите, ребята, на читку пьес. Посмотрите какую стоит ставить, какую не стоит».

Мы молвим что-то посовместно вать? И как послушают? Открытие, равное открытию Джордано Бруно.

Собрали нас в клубе медиков — ребят разных возрастов, из разных школ. И читали нам прекрасную пьесу Шаллера «Вильгельм Телль».

Мы [illegible] смысле слова. Дело даже не в [illegible] наши участие в подборе пьес обсуждении спектаклей, отдаль[illegible] интересных работ, то нас часто и прочно бывали в театре. Театр часто и прочно бывал у нас. То приходят на школьной сцене отрывок из спектакля «Сказки», то из грибоедовского «Горе от ума». Шестнадцать актеров руководили художественной самодеятельностью в шестнадцати школах. На наших вечерах, постановки проходили всегда во несколько актеров и с такой же серьезностью, если сиеди, обсуждали наши достоинства и промахи.

«Мы — актив ТЮЗа» —

—o—

[illegible] научило в ту пору примерно там, мы начали изучать: «Мы — студенты ВГМКа». Нас приглашали на премьеры, мы участвовали в творческом отчете монтажа и дирижера Зинаиды Петровны Зиберовой, декорации на спектакли, организовывали коллективные походы то на «Сережу Стрельцова», то на «Снежную королеву», а потом писали на нас рецензии, сами принимали в театре культуру речи и поведения. Короче, с нами возились достаточно много и основательно. А мы в ответ вдохновенно готовились в врательским конферен[illegible] приносили в театр альбомы с рисунками и фотографиями спектаклей, макеты декорации.

Значимость нашей роли росла [illegible] еще от того, что среди с нами «в актив» входили и преподаватели: сильный литератор Н. М. Владыкина, умный историк В. В. Изюмский (ныне известный писатель), пообщо[illegible] ректор института Сретенский и Сердюченко, аспиранты кафедр педагогики, писатель Лиходеев, поэт Жак. Не говоря о том, что научным консультантом ТЮЗа по литературно-педагогическим вопросам был [illegible]

[illegible] Пьесы нашей проблемы мы [illegible] ставили, [illegible] ждут. Когда еще не умеешь [illegible] страсти, когда спор способен родить истину, подсказать режиссеру и актерам новые измерения, заставить по-новому углубить [illegible] донести идею [illegible]

Огромная возможность возникнуть.

ОТ ДНЯ ВЧЕРАШНЕГО — КО ДНЮ СЕГОДНЯШНЕМУ

ПРОШЛИ годы. Многие из тогдашнего актива за 7 лет отдали жизнь за Родину, не дожили до сегодняшних дней.

Выросло поко[illegible] юных. Вырос его новый театр. По первому взгляду он имеет все: свои помещения — уютное, красивое, способные, думающие режиссеры, одаренные талантливые актеров: интересные спектакли. А зал все же порой пустует. Почему?

Я задала этот вопрос не мно[illegible]

[illegible] ректорам, [illegible] ным струям. Чем [illegible] ся такой доверительный разговор? С одной стороны, свободный [illegible] мысли [illegible] Г. Рыжиленкова — дипломанта Ленинградского института театра, музыки и кинематографии, с другой — предельно лаконичные и простым языком, которым говорят со зрителем актеры.

Эпиграфом к спектаклю могли бы быть мудрые слова Сент-Экзюпери: «Я из моего детства. Я вышел из детства, как из страны». Из детства, как из страны, приходит в жизнь и Валерий. В его «стране» есть все: и увлечение цирком, и дальние путешествия, где на каждом шагу так стоит обстоятельно он — Дорохов, и попытки овладеть полотном и красками. Но вот в его мире появляется она — Машка — [illegible] движения на дереве он мудришка в начальном первом высоком чувстве, и в «стране» Валерия начинаются неожиданные громы и молнии.

Точно, без намека, лапидарно, [illegible] тория «долгого человека» по пьесе прогрессивного западного драматурга К. Витлицберга (режиссер А. Хайкин). Не стоит говорить о чувствах, вызванных [illegible] сложности глубоки и многогранны. Скажу о другом — о говорящей технике. Мне давно не приходилось слышать в театре такую тишину. Казалось, крамолой не то что сморкнуть кресло, а громко дышать. Так слушают нечто личное, а чем ты страстно заинтересован.

Судьба человека, прошедшего войну, считавшегося убитым, случайно оставшегося в живых и вынужденного в жизни в условиях Западной Германии, так емко и сочно была представлена тремя актерами — А. Сидоровым, А. Тубишевичем и З. Адамовской, так богата внешними была их активная фантазия, что она-то и родила ту редкую тишину, которая является наивысшей наградой актеру. Каждый из трех исполнителей мастерски показал умение перевоплощаться, одухотворенно жить в предлагаемых условиях, воплощаться и выговаривать. И слова доктора Шталь: «Без волнения нет театра» воспринимаются как знамя спектакля, как кредо его исполнителей.

«Вот актеры — подумала я тогда, — способные заложить зрителя не на час, а на годы».

[illegible] найдет и совсем молодая актриса театра Н. Рязанова. Ее поварята Поля в комедии-водевиле А. Гра «Красавица» (режиссер Я. Станкевич) — это сама жизнь, это такая непосредственность, которая не может быть случайной, она — дарование.

Спектакли актеров, принесшие в театр что-то свое, индивидуальное, украшающее как отдельный спектакль, так и коллектив в целом, можно продолжить, допустим, А. Лебедевым, скульптурно вылепившим тульского колдунишку Ивана Исмайлова в «Горсти на заре» Арбузова, но ограничусь перечисленным, бесспорно, домашнящим, что ростовский юный зритель имеет свой умный театр.

И, конечно же, дело чести, совести, каждого, служебных обязанностей всех работников, в чьих руках — воспитание подрастающего поколения, обратить внимание на трибуну, [illegible] превосходящую [illegible] агитации. Школы теперь имеют завучей по воспитательной работе. Кому, как не им, заняться обдумыванием школьников с ТЮЗом! А нам они порчас встречают работников театра? «И без того мероприятий много. Еще вас планировать! Сами знаем, когда приходить к нам своих ребят...»

Увы, дорогие товарищи воспитатели! Надо планировать. Ибо здесь, в театре наши дети учатся доброте, мужеству, Света и Тани, обретут то счастье, о котором точно сказал Паустовский: «Ценность и счастью такой же редкий талант, как способность к музыке и живописи». А мы знаем: способности развивают.

Огромную работу по сближению со зрителем надлежит естественно проделать и руководству ТЮЗа. Прежде всего [illegible] заполняется вступающий на [illegible] должность заведующего педагогической частью, а человек этот, знающий театр и молодежь, понимающим ее запросы, [illegible]

Видимо, стоит прислушаться и прозвучавшим на первых обсуждениях спектакля «Эй, здравствуй!» голосам: «Мы грабим себя, не приходя в театр юного зрителя» (студент университета Сергей Чудаков), «Я смотрел и наслаждался» (студент РГУ Александр Мельников); «Спектакль настолько проникает, что хочется много его осмысливать» (десятиклассница Инна Киевская). Вот голоса тех, кто может войти в мир, стать соорой театра.

ПЛАНЫ, ПЛАНЫ...

БУДУЩЕЕ театра пока в планах. Но они, как в зеркале, отражают дальнейшую его поступь и направленность.

«Дон Карлос» Шиллера... «Овод» по роману Войнич... «Гроза» Островского... «Маленькие трагедии» Пушкина. «Сны Симоны Мошар» Брехта. «Мария Тюдор» Гюго... «Ведьмин противоречия» Кассиля... Сказки Шварца, «Мой брат играет на кларнете» А. Аминова... Наверно — не нет спектакля, событием, утвердит позицию театра, позволит актерам развернуть свое дарование привлечет нового благодарного зрителя.

Пусть мы они сбываются планы! Чтобы никто не мог упрекнуть театр (как еще случается!) в постоянной, необдуманно заключенной в репертуар, работе в том, что театр-де на обрел еще своего лица.

Обрел живое, самостоятельное. Нужно просто заметить это увидеть.

МЫ — АКТИВ ТЮЗА

[illegible] интересы нашего зрителя. «Что бы вы хотел увидеть в своем театре?», такой был главный вопрос, с которым мы шли в школьниках и студентам, который задавали на дружеских конференциях, просили обдумать в предлагаемых нами анкетах. Так, по желанию ребят мы поставили «Бешеные деньги» Островского.

На снимке: сцена из спектакля «История одного чемодана». В роли (слева направо) — А. Тубишевич, А. Сичкович, З. Адамовская.

КОЧЕВЬЕ НЕ СТАЛО БЕДОЙ

НА КАКИХ только площадках не приходилось играть ТЮЗу (свое помещение у него появилось лишь незадолго перед войной)! Клубы — мед работников... вагоны... на шахтостроителей... Ростельмаша... Всесоюзн... городского сада... «Пионера». Случалось, актеры даже еще не знали точно, где состоится вечерние представление. Порою залы были переполнены. Отличная организация? Несомненно. Подвижность театра? Безусловно. А даже это достигалось? Решаешь всего и прежде всего — решительным, актерским исполнением.

Зритель, особенно юный, идет в театр не только развлечься, отдохнуть, постичь нечто новое, шагнуть за черту повседневного, но и встретиться с любимыми актерами. Ведет театр, не имеющий «любимцев публики», ТЮЗ своей юности не [illegible]

«В старой Англии» мы шли смотреть (прямо из подворотни) самобытную актрису Вогачову. В «Сказке» Святлова — превосходный традиции Надеждину и Новиц. В тревожных «Гимназистах» Поликова и Ивченко-Бабинскую.

Репертуар, как я уже говорила, подбирался с заявкой тогдашнему поводу вспоминают ветераны ТЮЗа:

РАБ И. Д. — режиссер, много лет работавший главным художественным руководителем театра:

«Мы [illegible] ТЮЗ — не просто детский театр, а огромный художественный мир юного человека. «Если полюбит «Дубровского», у нас, он полюбит его и в классе. Если посмеется от души над шутками Фонвизина «Недоросля» на спектакле, увидит ярко воплощенные глупость и низость он, наш враг, станет бояться и ему [illegible] Нет-нет, а вырывались вперед, чтобы повести его за собой. Это — важно!».

СКОРОВА Н. И. — та самая, что, приходя к нам в школу, протягивала каждому руку и представлялась: «Я из, видчасти ТЮЗа».

[illegible] интересы нашего зрителя. «Что бы вы хотел увидеть в своем театре?», такой был главный вопрос, с которым мы шли в школьниках и студентам, который задавали на дружеских конференциях, просили обдумать в предлагаемых нами анкетах. Так, по желанию ребят мы поставили «Бешеные деньги» Островского.

На снимке: сцена из спектакля «История одного чемодана». В роли (слева направо) — А. Тубишевич, А. Сичкович, З. Адамовская.

[illegible] вен — Леонид Петрович Громов, сейчас профессор Таганрогского пединститута.

На нашего актива шагнула в [illegible] искусствоведческих [illegible] Г. Н. Бондаева и поэт Николай Дорохо (у него есть стихи, посвященные ТЮЗу), известный кинодраматург Юлий Кирьясин, поставивший фильмы «Дикая собака Динго» и «Пластов юности», актриса Ленинградского театра комедии Валентина Балобанова, актер Московского театра Олег Гусаров.

Отвечают по-разному.

Одни сетуют, что ТЮЗ до деревенского разместился. Другие вздыхают по поводу того, что нынче дети не очень театральный народ («в тому же — каждый сотый информация на них ежедневно обрушивается — радио, телевидение, кино... до ТЮЗа ли?»). Третьи философствуют таким образом: «А на кая теперь молодень — зна ете? Развитие — разное. Запросы повышенные. Чтобы стать для них авторитетом — надо семь пядей во лбу иметь».

Верно. Сегодняшнее молодое поколение (это доказано социологами) — более раннего развития чем поколение [illegible] Еще свободомыслящее, требовательное. Тем паче необходимо изучать его запросы, настроения, мечты. Послушать в сборе. Идет ли на такое сближение наивный ТЮЗ? Пока недостаточно. Главная на беда — нет у сегодняшнего театра юных прочного зрительского ядра. Звонили по телефону актеры — не создашь. Встречаний [illegible] с директорами, завучами, [illegible]

Чтобы привлечь и увлечь, надо идти в тот самый «народ», который считается «не театральным». (Я позволю себе вспомнить, как этот же «народ», которая приведенный в [illegible] Московским театром [illegible] Ермоловой спектакль «Сотворенный чудо» по пьесе Уильяма Гибсона «Молодые чтобы» до отказа заполненном зале сделал, затаив дыхание, и в финале долго аплодировала актерам).

Неосуществленных книгах и на дальность ТЮЗа. Уверена: в нынешнем работа нешном войдут от вокзала или набережной Дона до площади Карла Маркса, если узнают, что им покажут волнующий спектакль. А их непременно хотят «приворожить»! Да не раз, если бы чем в специальными, выделенными и для данного случая машинами. И приходится трудно детям ТЮЗа сложно выжидать то в горкомах, то в автоцарке № 1: «Пожалуйста, выделите автобус!». Те «выделяют», но выясняется: дорого обходится доставка поезда «на зрелище». [illegible] нельзя понизить [illegible] Полтора часа простоя машины обходится в 20 копеек ребенку (кроме стоимости билета на спектакль). «Согласитесь, дорого!», — говорят в школах. А что на трамваи, троллейбусы? Вчетверо дешевле. Да, но без комфорта и... хлопотней.

Так мы сами развязаем у себя «повышенные запросы», причуваем к барству, отрываем от мира искусства, столь необходимого в момент формирования воли и характера, отдаляем от интересного день это для растущего театра.

А ОН В САМОМ ДЕЛЕ РАСТЕТ...

КТО видел этот спектакль, тот поймет, мы прочно и серьезно утверждает себя сегодня коллектив ТЮЗа.

Подоплекой сценической жизнью живут главные действующие лица спектакля «Эй ты, здравствуй!» — Валерий Дорохов (артист Г. Чиковани) и Мария Балагова (актриса В. Новелева). Всего в два часа вмещается их знакомство, вспыск в робкое проявление зарождающейся любви, а зритель уходит обогащенный словно после глубокого [illegible]

[illegible] актер Валерия. Угловатый, предельно честный, фантазер и мечтатель... Валерий чуточку растерян перед обрушившейся на него на бедной, не то сча стьем. Он пытается спрятать свои сокровенные, наболевшие [illegible] сердце под личиной грубости, а незащищенность проглядывает [illegible] взгляде. Очень хорошо в этом плане сцены на берегу и ночного свидания.

На глазах растет, мужает и Маша. Возможно, она постигает через любовь себя, и ей отвечается, что не все в жизни просто, как думалось: а может быть, богатый мир Валерия показал, что жить надо не так, как живет ее тетка дяма она самая? Только и конду спектакля не могут не тронуть душу [illegible] скрытой печали, грусти понимающими в Маше — Нова левой.

[illegible] название «Эй ты, здравствуй!» дал автор Г. Мак Зак своей пьесе. Необычный броско, по-новому ставит вопросы в режиссер. Отсюда — [illegible] ность спектакля, [illegible] пантомимы. Органичны ли они? Углубляют ли характер Валерия? Да, конечно. К чести исполнителя постановщика пантомим Г. Тростянского, ему удалось точным языком жестов выразить мир мальчика. Лишь недостаточно ясна, распыляется пантомима «Приведения» Нашему и стимательство, столь трепетные честной натуры Дорохова, стоило выразить более убедительно.

Дискредит снижением внимательности спектакля явилось и опыжение Валерия. Здесь нарушен рисунок роли, утрачены нюансы и естественность, актер перестаешь верить. Хотелось бы увидеть и четче отшлифованной сцену в больнице. Ее решается судьба Валерикового отца. Если он умер, то это обязательно круто изменит впечатлительного мальчика в финале. Как он воспитает его в мы нужного позднего не ощущаем.

Недостатки легко устранимы и о них можно бы не говорить, то постановка только начинает [illegible] уже успела, судя по двум обсуждениям, полюбиться зрителю, естественно желание видеть ее безупречной.

А что мы другие спектакли? Нет у театра всего одна удача? В точно в дело: удач немало. Но о них почему-то либо умалчивают, либо говорят вполголоса, как бы мимоходом, забывая, что раз театр рожден для юных, тем надлежит стать ведущим в городе. И ему нужно в этом помочь.

ВОТ ОНИ — ЛЮБИМЦЫ

ДЛЯ СЕБЯ нынешний ТЮЗ — «отмыкание» на спектакле «Пузырьки» А. Хмелика (постановка А. Хайкина и Л. Ярославцевой). Зал был отменительно полон (два солнцы вереобуса стояли на дороге около театра, значит зрители «привезли»), возраст был мне раз такой, когда вносим [illegible] ду, и я имела удовольствие убедиться, что и современный юный зритель вполне «театрален». Спектакль хорошо принимался, нет тот действенный заряд, который ему и надлежало нести. В тот день я отметила для себя двух интересных, как мне показалось, актеров — Л. Соловьева и И. Рязанова.

Но вот и на спектакле «Ис-

«Комсомолец», 3 стр.